

Мурзич Наталья Эдмундовна

СЕМАНТИКА ИМЕНИ ЕЛИЗАВЕТА В КНИГЕ Ю. БУЙДЫ "ПРУССКАЯ НЕВЕСТА"

В статье рассматривается мифопоэтическая связь имени Елизавета с его носителями в книге рассказов Ю. Буйды "Прусская невеста". Множественность прочтения антропонима, обусловленная системой постмодернизма, позволяет репрезентировать как глубинные значения имени, связанные с кодом невесты, так и творческую концепцию автора в целом, которая содержит указание на нивелировку понятий "жизнь" - "смерть" и их цикличность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 161-163. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Алиханова Л. Г., Гаджихмедова М. Х. Особенности лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц пространственной семантики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2015. Вып. 3. С. 124-130.
8. Магдилова Р. А. Арчинские и аварские паремиологические единицы императивной семантики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2014. Вып. 3. С. 166-169.
9. Магомедова А. Н. Морфолого-синтаксический состав аварских паремиологических единиц как средство формирования паремиологических образов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2012. Вып. 3. С. 13-17.
10. Магомедова А. Н. Некоторые особенности лексического состава аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «труд» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2013. Вып. 3. С. 131-133.
11. Самедов Д. С., Алиханова Л. Г. Наименования времен года в аварских паремиологических единицах, выражающих концепт «время» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2012. Вып. 3. С. 51-53.
12. Самедов Д. С., Магомедова А. Н. Концепт «смерть» в русской и аварской языковых картинах мира (на материале русских и аварских паремиологических единиц) // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2012. Вып. VI. С. 122-125.
13. Самедов Д. С., Самедов М. Д., Магомедова А. Н. Идея патриотизма в паремиологических единицах разносистемных языков (на материале русского и аварских языков) // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2012. Вып. VI. С. 50-53.

THE IMAGE OF “NEER-DO-WELL” IN THE MIRROR OF THE AVAR PAROEMIOLOGICAL UNITS (LINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL CHARACTERISTIC)

Misieva Luiza Akhmedovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State University
luizaah_83@mail.ru

This article deals with the different kinds of metaphors and national cultural components of paroemiological units focused on the characterization of neer-do-well. The role of the linguistic symbols, being the cultural signs of the language, and the evaluative connotations which indicate the peculiarities of the mentality of the Avar language native speakers are identified. The relevance of the considered problem lies in the fact that the Avar paroemiological units expressing this concept have not been studied purposefully.

Key words and phrases: Avar gender paroemiological units; image of neer-do-well; linguistic and linguocultural aspects; codes of culture; national cultural components.

УДК 8; 81; 821.161.1

В статье рассматривается мифопоэтическая связь имени Елизавета с его носителями в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста». Множественность прочтения антропонима, обусловленная системой постмодернизма, позволяет репрезентировать как глубинные значения имени, связанные с кодом невесты, так и творческую концепцию автора в целом, которая содержит указание на нивелировку понятий «жизнь» – «смерть» и их цикличность.

Ключевые слова и фразы: мифопоэтика; антропоним; лексема; этимология; семантика.

Мурзич Наталья Эдмундовна

МАОУ СОШ № 6 (с углубленным изучением отдельных предметов), г. Калининград
natasha_murzich@mail.ru

СЕМАНТИКА ИМЕНИ *ЕЛИЗАВЕТА* В КНИГЕ Ю. БУЙДЫ «ПРУССКАЯ НЕВЕСТА»

В основе прозы Ю. Буйды лежит мифопоэтическая система, в которой актуализированы архаичные представления о цикличности жизни и смерти. Подобное миропонимание автора воплотилось в книге рассказов «Прусская невеста» [1], в которой сильно также влияние постмодернизма. Произведения транслируют множество культурных кодов, одним из которых является код невесты. Он отражается в названии книги «Прусская невеста» и одноименного первого рассказа. Рефлексы кода невесты проявляются и в желании автора «обручиться» с землёй (местом действия всех рассказов) – бывшим уголком Восточной Пруссии, перекрёстком прусской, немецкой и русской культуры, и в то же время в невозможности брачного единения. Брачная семантика по-своему преломляется в каждом рассказе. Одним из средств ее репрезентации является имя *Елизавета*, притяжательное прилагательное от которого *Елизаветин* является анаграммой сочетания *невеста ли?* Частица *ли* задает «мерцание» в определении того, являются ли невестами героини рассказов Ю. Буйды.

Имя *Елизавета* в различных вариантах принадлежит 8 персонажам. Это *Лиза* Столетова (рассказ «Фарфоровые ноги»), *Лиза* Иевлева («Рыжий и Рыжая»), *Луиза* («Весёлая Гертруда»), *Общая Лиза* и *Лизетта* (сквозные персонажи нескольких рассказов), *Мотя*, которую хотели назвать *Елизаветой* («Буйда (вместо послесловия)»), *Лиза* («Хромой утке пощады нет»), *Элоиза* Прево («Чужая кость»). Имена *Елизавета* и *Элоиза*, не будучи этимологически родственными, встраиваются у Ю. Буйды в один ряд.

Вопрос о сближении кода невесты и имени *Елизавета* решается автором посредством обращения к «кастрационному» сюжету в рассказах «Чужая кость» и «Рыжая и Рыжий», источником которых, как показала М. А. Дмитриевская, является история любви Пьера Абеляра и Элоизы [4, с. 147]. Интертекстуальная связь обеспечивается не только за счёт вариативности имён героев (*Пётр – Петер – Пьер, Элоиза – Элиза – Лиза*) [5, с. 149], но и прямого упоминания в рассказе «Чужая кость» книжного шкафа с книгами, среди которых названы только две – «*Historia calamitatum mearum*» – «История моих бедствий» (1132-1136) Пьера Абеляра. Рядом том Грегара «*Lettres complètes d'Abelard et d'Eloïse*» – «Полные письма Абеляра и Элоизы» [Там же, с. 147]. Мотив кастрации помогает высветить тему вечной невесты.

Культурный код невесты транслируется через оппозицию «жена-невеста», компоненты которой связаны с взаимобратной метафорой, поскольку «жена» в ряде рассказов Ю. Буйды остаётся невестой. Так, в рассказе «Рыжий и Рыжая» Пётр и Лиза Иевлевы поженились, однако этому предшествовала самокастрация героя как доказательство его чистой любви к Лизе. Сюжет кастрации повторяется в рассказе «Чужая кость». Пётр Лавренов имеет ранение в паховую область, и женщины его не интересуют. В случае с Петром Лавреновым «кастрация» – несчастная случайность, но при этом шаг на пути к андрогинности, слиянию с любимым человеком [4, с. 155]. Лиза Иевлева так и остаётся невестой, так как муж не выполняет супружеских обязанностей. Элоиза Прево не выходит замуж за Лавренова, более того, он её убивает. Так, Лизы Ю. Буйды становятся «бедными Лизами» со всем спектром коннотаций, восходящих к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» [5, с. 155]. В. Н. Топоров отмечал связь любви и смерти в качестве лейтмотива произведений Н. М. Карамзина, что в свою очередь характерно и для Ю. Буйды. Тип «бедных Лиз» в русской литературе XIX века развивался в произведениях Пушкина, Достоевского, Тургенева [9, с. 496-497].

К типу «бедных Лиз» относится и героиня рассказа «Фарфоровые ноги» Лиза Столетова. Её «бедность» в данном случае обусловлена внешним видом: в начале рассказа невзрачная девушка в простом ситцевом платьице появляется на пороге обувного магазина. Продавец магазина, капитан Лёша, предлагает Лизе примерить фарфоровые туфли – самые желанные туфли для всех жительниц города, и они подходят Лизе. После замужества Лиза надевает фарфоровые туфли раз в год – в день свадьбы, что педалирует мотив вечной невесты.

В рассказе «Хромой утке пощады нет» обращение к мотиву «бедных Лиз» происходит за счёт сходства сюжетного хода – Лиза не становится женой, но при этом хочет выйти замуж, а её потенциальный жених бросается в реку по невыясненным обстоятельствам. Этот сюжетный ход сближает рассказ с повестью Н. М. Карамзина, где Лиза бросается в пруд.

Код невесты репрезентируется через имя *Елизавета* и через обращение к Ветхому Завету. Праведная Елизавета – мать Иоанна Предтечи – зачала в преклонном возрасте. Чудесное зачатие от Святого Духа отсылает и к деве Марии. Елизавета при встрече с Марией воскликнула громким голосом и сказала: «Благословенна ты между жёнами, и благословен плод чрева Твоего» (Лука 1:42). Подобные мотивы имеют рефлекс в рассказах Ю. Буйды. Так, связь с непорочным зачатием в трагедии в виде проявляется в рассказе «Одноногая жизнь одноногого мужчины», где Машка (имя весьма символично) Геббельс родила два ведра липкой жидкости.

Связь рассказов Ю. Буйды с Праведной Елизаветой обусловлена и обращением к мотиву немоты. По библейской истории, Захарий, муж Елизаветы, усомнился в вести пророка Гавриила о скором рождении сына и был наказан немотой. Обрёл он дар речи, когда начертал имя своего родившегося сына на табличке: «Иоанн – имя ему». Обращение к имени Иоанн (Иван) в творчестве Ю. Буйды весьма символично. Иоанн Креститель – небесный патрон ордена госпитальеров или иоаннитов, семантика которого связана с антропонимической системой рассказов Ю. Буйды [6, с. 227-228]. Семантика немоты и последующего обретения речи присутствует в рассказах, связанных у Буйды с героинями Елизаветами. В рассказе «Весёлая Гертруда» Михаэль Келлер, муж Гертруды, а позже и отец *Луизы* – контуженный солдат, лишившийся речи. Только прикоснувшись к маятнику часов, которые в прошлом ремонтировал первый муж Гертруды, Михаэль вымолвил слово. В рассказе «Рыжий и Рыжая» Пётр, муж Лизы, пел *бессловесную* песню, при посторонних и рта не раскрывал, многие называли его молчуном. Его молчание объяснялось тем, что кастрация Петра привела к некоей недосказанности, которая терзала его всю жизнь. Позже, когда жена и дочь стали увлекаться пением, к ним присоединился и сам Пётр, таким образом, рождая слово.

Между тем семантика брака и невесты прослеживается в Новом Завете: Мария, благословенная между жёнами, была обручена с Иосифом, но зачала от Святого Духа. Однако до, во время и после рождения Иисуса Мария остаётся непорочной, девой Марией. Таким образом, высвечивается тема вечной невесты, которая находит отражение и в рассказах Ю. Буйды.

Имя *Елизавета* анаграмматично словосочетанию *завет ли*, что поддерживает связь имени с Новым Заветом. В латинском языке смыслы 'завещание' и 'завет' передаются одним словом – *testament*. В русском же языке *завет* и *завещание* – разные слова, хотя и однокоренные. Лексема *завещание* отсылает к рассказу Ю. Буйды «Апрельское завещание» и в то же время актуализирует обращение к языковой и культурной оппозиции, которая отражает цикличность понятий «жизнь» и «смерть». В Новом Завете (Novum Testament), содержащем

рассказы четырёх евангелистов и ряд посланий, а также Откровение Святого Иоанна Богослова, говорится о конце света. В противоположность этому Ветхий Завет (*Vetus Testament*) содержит рассказ о зарождении жизни – книгу Бытия. Таким образом, смерть есть новое, а жизнь есть старое [7, с. 208]. Все эти факты указывают на повторяемость и цикличность, которая замыкает понятия «жизнь» и «смерть» через акт творения.

Имя Елизавета также репрезентирует код невесты через обращение к истории грехопадения. В этом ключе раскрывается тема Евы, которая является первой женщиной. Но была ли Ева невестой и женой? На др.-евр. Ева (*hawwa*) – 'жизнь, жизненная' [8, с. 283]. Однако у Буйды эта семантика переосмысливается. В рассказе «Ева Ева» (повтор имени усиливает семантику) главная героиня оказалась бесплодной, однако усыновила «однорукого десятилетнего мальчика, прозванного детьми Сусиком (Иисусиком)» [1, с. 143], чьё имя весьма символично. Ветхозаветная история рассказывает о вкушении Евой плода с дерева познания. Традиционно считается, что это яблоко. Упоминание яблок и их запаха свидетельствует о внимании Ю. Буйды к семантике грехопадения. В рассказе «Весёлая Гертруда» главная героиня каждый день клала у изголовья Михаэля голубую тарелку с алым сочным яблоком. В рассказе «Чужая кость», где героиню зовут *Элоиза* (*Элиза*, *Лиза*), постоянно упоминается, что в комнате пахнет яблоками. Отметим, что существует сорт яблок «Элиза». Это помогает связать яблочную тематику и семантику грехопадения с героинями, носящими имя Елизавета.

Упоминание яблок в рассказах Ю. Буйды мотивировано и семантикой безумства. Одна из разновидностей яблок называется *дураком* – порода спелых, но не сладких яблок [3, с. 465]. Лексема *дурак* находит отражение в образах героинь Елизавет: городскими дурачками являются *Общая Лиза* и её дочь *Лизетта*. В европейской традиции яблоко стало не только символом искушения и познания, но и символом бессмертия. Подобная семантика обнажается за счёт метафорического восприятия движущегося яблока в рассказе Ю. Буйды «Яблока Макса», указывающего на суточный, а также годовой цикл, воспроизводит архаическую модель бытия – вечного круговорота жизни и смерти [2, с. 12].

Таким образом, имя *Елизавета* в явной и скрытой форме отражает брачную семантику. Обращения к различным претекстам и анаграммам позволяют реконструировать уровень глубинной семантики рассказов Ю. Буйды.

Список литературы

1. Буйда Ю. Прусская невеста. М.: Эксмо, 2015. 704 с.
2. Гаврилова М. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» (языковые стратегии мифотворчества): автореф. дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2012. 25 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус.яз., 1998. Т. 1. 699 с.
4. Дмитровская М. А. Интертекстуальные источники «кастрационного» сюжета в творчестве Юрия Буйды // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 147-155.
5. Дмитровская М. А. Об отношении искусства и действительности, или Почему майор Лавренов убил Элизу Прево: рассказ Юрия Буйды «Чужая кость» // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4. С. 145-178.
6. Дмитровская М. А., Мурзич Н. Э. Полисемантизм имени собственного в рассказах Ю. Буйды (*Иван*) // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. М.: Азбуковник, 2011. С. 226-232.
7. Мурзич Н. Э. «Винт после смерти» (мифопоэтика и интертекстуальные связи в рассказе Ю. Буйды «Апрельское завещание») // Балтийский регион: миф в языке и культуре: материалы Междунар. науч. конф. (г. Гданьск, 8 окт. 2010 г.). Калининград: Изд-во Росс. гос. ун-та им. И. Канта, 2010. С. 202-214.
8. Суперанская А. Б. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
9. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: РГГУ, 1995. 512 с.

THE SEMANTICS OF THE NAME ELIZAVETA IN YU. BUIDA'S BOOK "THE PRUSSIAN BRIDE"

Murzich Natal'ya Edmundovna

Municipal Autonomous Educational Institution – Secondary School № 6
with the Advanced Study of Some Subjects, Kaliningrad
natasha_murzich@mail.ru

In the article the mythopoetic relation of the named Elizaveta to its carriers in the book of short stories by Yuri Buida "The Prussian Bride" is considered. The plurality of reading of the anthroponym conditioned by the system of post-modernism allows representing both the underlying meanings of the name associated with the code of the bride and the creative conception of the author as a whole, which contains the reference to the leveling of the notions "life" – "death" and their cyclicity.

Key words and phrases: mythopoetics; anthroponym; lexeme; etymology; semantics.